

Татьяна Кернер родилась в 1941 г. в Волгограде, в эвакуации. Училась в СХШ одновременно с Эдуардом Зелениным, двумя классами младше – Олег Григорьев, Михаил Шемякин, Михаил Иванов, старше – Геннадий Устюгов. В Академии художеств, в здании которой находилась тогда СХШ, в это же время учились Олег Целков, Владимир Некрасов. С Зелениным, с Григорьевым, с Ивановым, с его братом философом Константином она была дружна, Целков до некоторой степени повлиял на ранние работы, Устюгов рассказывал, что приходил к ней и подробно описал виденную тогда картину с летящим ангелом. Все, с кем удалось поговорить о Тане Кернер, произносят ее имя с нежностью и пиететом. С пиететом относились к ней и при ее жизни. Владимир Михайлов вспоминал: «На одном из занятий у Акимова появилась невероятно розовощекая девушка, принесла громадные холсты. Что-то напоминающее фигуративного Малевича – девушки, облака, птицы – очень живо, свежо и жестко. Очень неженские по фактуре, по жесту, по форме. Мы все ахнули. Акимов сразу с вопросом к Кулакову: – «Как?» – Кулаков довольно холодно: «Все было». – «Но это делает очень молодой человек». Акимову не разрешили взять ее к себе, и она занималась у Бруни. Как-то была у меня в мастерской и дала очень хороший и очень неженский совет: ничего в картине нельзя повторять».

Между прочим, повторы – одно из популярнейших средств, делающий картину эффектной, что заставляет зрителя «почувствовать» достоинства картины почти не глядя на нее. Картины Кернер нуждаются в том, чтобы на них тратили время, смотрели, но многие из них нельзя смотреть долго – потому что трудно выдержать остроту заключенной в них боли. Даже если это такая нейтральная тема, как двойной портрет отдыхающих пролетариев.

И о «женском». При всей тривиальности и шаткости столь общей категории ее уместно употребить, ибо это одна из мучительных тем Татьяны Кернер. Женское начало как бескостное, иногда безглазое, безвольно-мечтательное. Украшает себя цветами, пляшет марионеткой для чужого развлечения, возлежит, демонстрируя пышные бедра и маленькую голову. Или заглядывает в окно кошмаром. Оно явно извлечено на свет из недр собственного существа твердой рукой художника – неженская беспощадность к собственной женственности.

Как художник она умела многое. Широкий диапазон приемов и стилистических тенденций: геометризация, примитивизм, гротеск, деформация, сюрреалистичность, способность сделать изображение монументальным, придать ему знаковый или символический характер. Рискну грубо обобщить, она шла от формальных, красивых и знаковых работ – тех, глядя на которые в 1960 г. «все ахнули», а увидевший их в начале 1960-х Владлен Гаврильчик, тогда интересовавшийся кубизмом, «обалдел», – к экспрессивным, к экзистенциальным, выражающим самую глубину ее существа. К обнаженной трагедии, к той точке, когда «красивость» становится кошунственной. Они далеко не для всех приемлемы, «хороший вкус» тут может быть оскорблен. И если о формальных работах можно сказать: «было» – и до, и после, – то такого экспрессионизма, такого выражения катастрофы, в котором ничего нет от манеры, от намерения произвести эффект, от услаждения мучением, а только острейшее чувство – у нас ни до, ни после не было.

В эпоху господства принципа самовыражения для художников, изображающих человека, собственное тело, как правило, служит отправной точкой, она же, молодая, стройная, красивая – иной она не успела стать – изображала безобразие, изношенность и старость без сентиментальности, но как собственную боль. Старуха с кривым лицом запрокидывает голову в экстатическом желании взлететь вместе с набухшей ветром простыней... Взлететь или потонуть, затеряться в высоких травах – вот чего жаждет женское существо. Безобразие, гротеск у Татьяны Кернер никогда не служит средством уличения, но средством показать неблагополучие, страдание и вызывает сострадание. Некрасива доля человеческая. Идиотически радостный младенец, юность, безобразная своей похотью, потом изможденность, потом печать смерти, потом сама смерть – вот лестница жизни на одной из ее картин.

Она окончила постановочное отделение Института театра, музыки и кинематографии. Это сказалось, вкупе с живой фантазией, в некоторой постановочности, придуманности многих ее работ, она создавала фантазмагории или же превращала в фантазмагорию реальность. Ковш экскаватора оказывался клешней, в клетке уличного сапожника свисающая с потолка обувь обернулась копытами или перепончатыми лапами, сам он – получеловеком-получудовищем.

Театральным художником она не сделалась. Она не сделалась даже художником-оформителем: средство выживания подавляющего большинства нонконформистов. Даже на такой компромисс она была не способна. Максималистка, она могла использовать кисть только так, как сама хотела и только тогда, когда хотела. Говорят, именно она первая в неофициальном искусстве стала работать в котельной и матросом. Плавая на баржах-«грязнухах», вывозящих придонные осадки, на «топляке», вытаскивавшем утонувшие бревна, стала рисовать машины, увидев в них чудовищ, сплав биоморфного и техногенного. Тема, в которой она пересеклась с Гаврильчиком. «Непонятно, повлиял я на нее или она на меня, или просто мы оба попали в этот мир и стали его изображать».

Есть у нее символический – свинцовый и ветреный пейзаж. Под огромным мостом на плывущем бревне скорчился человек, пытающийся согреться от горящего на берегу костра. Бревно вот-вот перевернется.

Таня Кернер погибла в 31 год. Гаврильчик рассказывает: «В гробу у нее была совершенно непримиримая физиономия. Словно она ушла, ничего не простив этому миру».

«Какой она была?», – спросила я у Ии Алексеевны Кирилловой. – «Она была – как у Грина: "бегущей по волнам"».

Владлен Гаврильчик

На смерть Тани Кернер

Сегодня я Вас нарисую
В сиреновом небе скользящей.
Я кистью небрежно и точно
Ваш нежный схвачу силуэт.
Я Вас, извините, летящей
Трактую в сиреновом месиве.
Творимым из кобальта с кадмием
Глядящей на мир сквозь лорнет.
Устам вашим легким ударом
Улыбку придам непорочную.
Лепя розоватые пальчики,
Талантом тактично блесну.
Я вашу фигуру барочную
Заткну шелковистой драперией,
И контур стерев романтически
Летящею кистью сомну.
Под Вами пейзаж экстатически
Красивою грязью наляпаю,
Эффектами охры и кадмия
В руке Вам зажгу образок.
А внизу под широкою шляпою,
Небрежно и чуть иронически,
Себя нарисую с палитрою,
Кладущим последний мазок.